П.Л.БЕЛКОВ

Французская сказка «Синяя шапочка». Раз мотифема, два мотифема...

Однажды в поисках возможного аналога неизвестного источника сказки Шарля Перро «Красная шапочка» в одном из старых сборников я наткнулся на сказку «Синяя шапочка», которая является вариантом сказки «Мальчик-с-пальчик» [1] (здесь под «вариантом» имеется в виду имярек сказка с общей сюжетной линией относительно некоторого ряда сказок, причем не обязательно одноименных). Затем к своему немалому удивлению я нашел в интернете несколько сказок про Синюю шапочку современных авторов. Однако все они буквально списаны со сказки «Красная шапочка», как списывают на уроках в школе. К шотландской сказке «Синяя шапочка» с сюжетной линией родственной сказке «Синяя свечка» братьев Гримм у нас претензий быть не может.

Чем же нас должна заинтересовать сказка «Синяя шапочка», если она есть всего лишь вариант всемирно известного сюжета, с которым в общих чертах знаком каждый, даже если не читал сказку «Мальчик-с-пальчик»? – Герменевтика этой сказки, или так называемая проблема понимания.

Очень часто приходится слышать или читать о попытках понять «смысл» той или иной конкретной сказки. Но что такое смысл вообще и сказки в частности? Обычно его находят под шапкой (извините, шапочкой) ложно истолкованного философского учения или псевдофрейдистской теории. Это примерно то же самое, что представлять горизонт в виде проведенной на земле линии.

На этом фоне множества не всегда великолепных неудач более простой и ясной кажется идея Проппа, который и прямо, и косвенно неоднократно утверждал, что задача классификации и изучения истории сказок как вида фольклора становится разрешимой только в терминах морфологии. Понять сказку – это значит выявить ее композицию (структуру) и проследить фазы ее сложения. Можно сказать, в конкретных случаях понятия «онтогенеза» (исполнения) и «филогенеза» (исторических корней) сказки практически совпадают.

Мы будем рассматривать французскую сказку «Синяя шапочка» с той точки зрения, что эта сказка возникла в результате преобразования кумулятивной сказки в неполную (первобытную) волшебную сказку, но уже в более позднюю эпоху, когда классическая волшебная сказка заняла доминирующее

[1] Le petit Chaperon bleu. См.: Emmanuel Cosquin. Contes populaires de Lorraine (Сказки Лотарингии). Paris, 1887, p.148-149.

положение в мире фольклора. Вопросы происхождения кумулятивной и неполной волшебной сказки уже рассматривались или будут рассматриваться отдельно. Но прежде представим перевод самой сказки «Синяя шапочка»:

Как-то фермер и его жена, уходя убирать урожай, оставили дома своего маленького мальчика, которого звали Синяя шапочка, потому что он носил шапочку такого цвета, и сказали ему прийти в поле в полдень принести им суп.

С приближением полудня, маленький мальчик налил суп в котелок и приготовился нести своим родителям. Так как он шел через хлев, то увидев, что у коровы нет корма, он поставил горшок рядом с ней и пошел искать корм. Однако, к несчастью, корова задела ногой горшок и суп разлился по земле. Вот так маленький мальчик попал в беде. Он не нашел ничего лучше, как спрятаться в стоге сена.

Родители, не дождавшись его, вернулись домой. Звали и искали повсюду, но Синей шапочки нигде не было. Однако корова, которая была голодна, принялась мычать. Ей дали охапку сена, где прятался маленький мальчик. Корова проглотила ребенка вместе с сеном.

Некоторое время спустя, когда захотели постелить новую подстилку, поняли, что корова больше не может двигаться. Её и толкали, и били, но ничего не получалось. «Корова, повернись, корова, повернись! – Я не повернусь». Услышав, что корова говорит, люди были изумлены и решили, что она заколдована. Им и в голову не приходило, что это говорит Синяя шапочка, а не корова. Побежали искать мэра. «Корова, повернись! – Я не повернусь». Наконец, позвали кюре, который сказал корове по-французски: «Корова, повернись! – Я не понимаю французского, я не повернусь».

Фермер, не зная, что делать, позвал мясника. Животное убили и разделали. Желудок выбросили за ворота, его подобрала одна старая женщина и положила в свою корзину.

Едва она вышла из деревни, как маленький мальчик принялся петь:

«Поспешай, поспешай, глупая старуха!
Я на донышке твоей корзины.»

Старуха, очень испугавшись, ускорила шаг, не решаясь оглянуться назад. Когда она проходила мимо стада овец, маленький мальчик крикнул: «Пастух, пастух, стереги своих овец! Вот волк идет». Старуха, почти обезумевшая от страха, сказала, ощупывая себя: «Я еще не волк! Что это значит?» Придя к себе, она заперла дверь, поставила корзину на землю и разрезала желудок коровы. В тот момент, когда она отвернулась, маленький мальчик тихонько вылез из своей темницы и спрятался за шкаф.

Старуха приготовила рубцы и положила себе на ужин. Она начала приходить в себя после испытанного страха и думала только о том, чтобы полакомиться, как вдруг маленький мальчик закричал: «Приятного аппетита, старушка!» На этот раз, бедная женщина подумала, что в доме дьявол и затряслась всеми своими членами. «Послушай, – сказал ей тогда маленький мальчик, не покидая своего убежища, – обещай мне никому не говорить, где ты меня нашла и отвести туда, куда я тебе скажу. Мне лучше убраться отсюда, да и тебе не повредит избавиться от меня». Старуха на все согласилась, и Синяя шапочка вышел из укрытия. Она отвела его к родителям, которые были рады снова его увидеть.

В настоящем виде, т.е. в том виде, как эта сказка была записана или пересказана в 1887 г., она образует собой типичную неполную волшебную сказку, в которой третья мотифема включает в себя лишь сильно обобщенный мотив, выраженный фразой «Она отвела его к родителям, которые были рады снова его увидеть». Конкретизировать его можно, разбив на более мелкие мотивы и добавив мотивы, наличие которых подразумевается самой фразой:

Старуха повела мальчика домой (*возвращение*: концовка второй мотифемы), она привела мальчика домой (*неузнанное прибытие*: начало третьей мотифемы), она ничего не сказала, как обещала мальчику (перевернутое *узнавание*: родители ничего не узнали), родители радуются возвращению сына (перевернутое *наказание*: мальчик избежал наказания, которого боялся).

В пространстве второй мотифемы (*испытания*) помещается череда мотивов, начинающихся с фразы «Едва она вышла из деревни…» и заканчивающихся фразой «Синяя шапочка вышел из укрытия…», с учетом того, что, как было показано выше, возвращение скрыто во фразе «Она отвела его к родителям…». По составу действий героя данную сказку можно классифицировать как сказку о *чудесном побеге* с тем оттенком, что герой вынуждает старуху отвести его домой. К числу сказок с подобным сюжетом можно отнести сказку братьев Гримм «Фрау Холле», сказку «Василиса Прекрасная» (первый ход), сказку «Ивашко и ведьма» и, наконец, сказку «Гуси-лебеди». За неимением места и времени ограничимся четырьмя примерами. Надо только иметь в виду, что расклад сказочных сил может быть разный. Так, в сказке «Фрау Холле» героиня совершает вежливый побег, с позволения своей пленительницы.

Все, что находится выше, попадает в пространство начальной ситуации и первой мотифемы. Вместе эти мотивы образуют собой кумулятивную сказку, которая некогда существовала или могла существовать как самостоятельная фольклорная единица. Родители не могут справиться с коровой – обращаются к мэру, мэр не может справиться с коровой – обращаются к кюре, кюре не может справиться с коровой – обращаются к мяснику, который довершает дело, зарезав корову. В общем, тянут-потянут, вытащить не могут.

С точки зрения деления кумулятивных сказок на два класса, формульных и эпических (терминология Проппа), рассматриваемая сказка относится к разряду эпических. Последнее звено содержит в себе счастливое извлечение мальчика из брюха коровы, которая с успехом заменяет собой сказочного людоеда вроде глиняного паренька или волка из русских сказок. Однако исполнитель этой сказки делит действие по высвобождению проглоченного на несколько стадий: сначала мальчик выходит наружу в желудке, затем из укрытия в доме старухи. За счет этого и появляется вторая мотифема, а кумуляция целиком проецируется на субмотифему *отправки*. Показать это можно, использовав проверочное действие, мысленно убрав такие звенья, как «мэр» и «кюре». На ход действия сказки в целом это не оказывает никакого влияния.

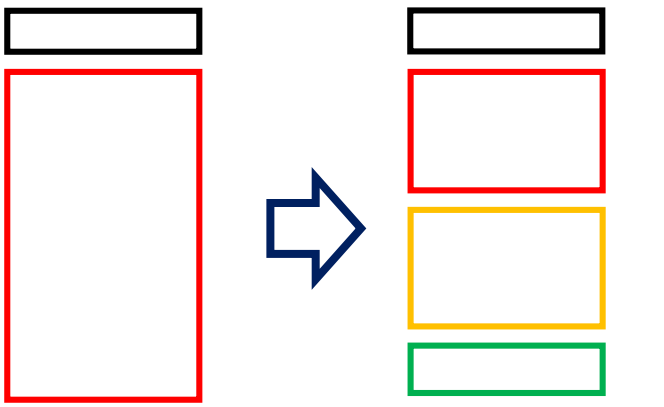
Следует также помнить, что в кумулятивных сказках («родимое пятно» мифа) все действие сосредоточено в последнем звене, поскольку именно оно отвечает за *нарушение* (*вредительство*). Нет нарушения – не начала действия. Но тогда получается, что в сказке «Синяя шапочка» *нарушение* идет после *отправки*. Телега впереди лошади? Однако в этой сказке принадлежащее ей *нарушение* находится на своем месте, именно перед *отправкой*.

То, что было нарушением в этом нарративе, когда он был кумулятивной сказкой, стало *испытанием*, срединным элементом. В конечном счете, срединный элемент равен сумме предшествующих слагаемых: вредительство + снаряжение + путь (числа Фибоначчи). Вредителем (агонистом) здесь выступает корова. Корова разливает суп, мальчик боится наказания, прячется в стоге сена («иголка в стоге сена»). Далее поиски, преследование (= оправка). Такая форма нарушения нужна здесь сказочнику именно для того, чтобы не позволить мальчику вылезти сразу после разрезания брюха коровы. Мальчика проглатывает корова, он попадает в дом к старухе и сбегает от нее (заставляет ее отвести себя обратно (ср. в рассказе О'Генри мальчик своим жестоким баловством заставляет похитителей отвести себя к отцу). Он должен пройти через все это, чтобы избежать наказания и дать повод родителям радостно принять его. Не случайно от старухи он требует, чтобы она не выдавала его тайны.

Таким образом, возникает вторичная по своему происхождению первобытная сказка. Это означает, что она была создана уже в рамках вторичной формации. Об этом говорит и форма отправки, имеющая свою сюжетную линию в виде кумулятивной сказки, из которой она и была сделана, и трехсложное нарушение. Конечно, более древняя форма нарушения, имеющая двухсложное строение (страх или угроза – бегство, промах на охоте – ускользнувшая добыча), сохраняет свое значение и для классической волшебной сказки, но уже в качестве подчиненного элемента.

Что сделал сказочник, создавший сказку «Синяя шапочка», можно показать на рисунках, отображающих её строение. Пользуясь только мотивами («мазками») он преобразовал сказку с одномотифемной композицией в сказку с двухмотифемной и даже трехмотифемной композицией, поскольку в сказке (об эпосе разговор отдельный) вторая мотифема невозможна без третьей в виде нулевого элемента (псевдотрехмотифемная конструкция)[2]:

.

Одномотифемная конструкция

Псевдотрехмотифемная конструкция

[2] Кумулятивные сказки и первобытные сказки не имеют конечной ситуации. По поводу условных обозначений см. на сайте ***ethnomanuscript.ru***: П.Л.Белков О происхождении волшебной сказки. Сказки полные и неполные и др.

[Примечание. Иногда носителей традиционной культуры, занимающихся сказочным ремеслом, подозревают в отсутствии логики. Однако надо знать, что помимо двузначной логики, существуют различные виды многозначной логики, например, трехзначная логика.]

Разбор сказки «Синяя шапочка» не будет довершен до конца, если мы не скажем несколько слов о её поэтике. Как и каждый фольклорный нарратив она полностью сложена из мотивов (делится на мотивы без остатка). Но мотив имеет два значения, прямое (семантику) и косвенное, или коннотативное значение. Последнее непосредственно связано со строением, морфологическим обликом сказки, тогда как первое не имеет жесткой связи с композицией. Поэтому мотивам можно придать любую форму, не противоречащую законам композиции и в то же время не совпадающую с морфологией. Другими словами, семантика пишется поверх коннотативного значения мотивов. Отсюда внешне данная сказка может читаться как классическая волшебная сказка с полным набором мотифем со всеми их возможными делениями (вплоть до 27).

Сказанное предполагает, что сказку «Синяя шапочка» можно читать с конца иначе, чем сначала. В этом случае в качестве составной части повествования морфологически эквивалентной *неузнанному прибытию*, т.е. началу третьей мотифемы, принимается фраза о том, как старуха, придя к себе, заперла дверь. Дальше она решает *трудную задачу*, герой выходит из укрытия и т.п. Ср. в русских сказках герой в том же месте (строке) повествования выходит из-за печки. Соответственно, путь старухи домой оказывается морфологически эквивалентным *возвращению* героя. И так можно подниматься по ступеням вверх, «перечитав» («пересчитав») всю сказку от конца до начала, что, впрочем, не обязательно, ибо для достижения ожидаемого впечатления волшебно-сказочной целостности достаточно лишь наметить такую возможность.

Здесь, вероятно, не так важно, осознанно или неосознанно, вольно или невольно делается этот пересчет, случайно или неслучайно возникает ряд высказываний, допускающих такое чтение задом наперед. Важен сам принцип: в традиционном творчестве случайное потому и является случайным, что оно случается. Сказка как система работает сама по себе.

19 февраля 2020 г.